

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.7>

Кожухарь Андрей Игоревич

ТОРГОВЫЕ ПИДЖИНЫ НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОПЫТКА СОПОСТАВЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В течение XVIII-XIX веков в окраинных регионах Российской империи на фоне процессов колонизации присоединенных территорий и интенсивного трансграничного торгового взаимодействия возникли несколько языков-пиджинов. В статье проанализировано их общее и особенное, выявлены закономерности их параллельного развития в сходных историко-культурных обстоятельствах, рассмотрена интеграция этих языков в адаптивные практики, существовавшие на ключевых направлениях внешней торговли. Сделан вывод о возможной интерпретации данного феномена как характерного элемента имперской эволюции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/8/7.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(94) С. 34-37. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**QUEEN TITLE IN ANCIENT MACEDONIA
OF THE LAST THIRD OF THE IV – THE FIRST QUARTER OF THE III CENTURY BC**

Kilyashova Kristina Alekseevna
Kazan (Volga Region) Federal University
kristina.kilyashova@mail.ru

The article deals with the issue of the occurrence and use of the queen title in Ancient Macedonia. Significant attention is paid to the interrelation between the official use of the king and queen titles with the development of the monarchy institution. The plots of ancient authors and their understanding of this term in relation to the women of the Argead dynasty are analyzed. The epigraphic evidence of the title official use is given, the views of historians having studied the etymology of the term are revealed. It is stated that the title did not determine duties, but confirmed the high status of its holder and was closely related to the consolidation of dynastic legitimacy. The widespread use of the title by the women of Hellenistic states is noted.

Key words and phrases: the Argeads; Alexander III of Macedon; king; queen; title.

УДК 94(47)+339.5(091)+811

Дата поступления рукописи: 02.07.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.7>

В течение XVIII-XIX веков в окраинных регионах Российской империи на фоне процессов колонизации присоединенных территорий и интенсивного трансграничного торгового взаимодействия возникли несколько языков-пиджинов. В статье проанализировано их общее и особенное, выявлены закономерности их параллельного развития в сходных историко-культурных обстоятельствах, рассмотрена интеграция этих языков в адаптивные практики, существовавшие на ключевых направлениях внешней торговли. Сделан вывод о возможной интерпретации данного феномена как характерного элемента имперской эволюции.

Ключевые слова и фразы: Российская империя; торговый пиджин; кяхтинский язык; алеутско-медновский язык; руссенорск; суржик.

Кожухарь Андрей Игоревич, к.и.н.
Иркутский областной дом народного творчества
andreikozhukhar@gmail.com

**ТОРГОВЫЕ ПИДЖИНЫ НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ПОПЫТКА СОПОСТАВЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Пиджины – смешанные языки, возникающие в ситуации коммуникации сторон, не владеющих языками друг друга, но в силу тех или иных историко-культурных обстоятельств вынужденных тесно взаимодействовать. Почвой для возникновения пиджинов могут стать процессы колонизации, торговые контакты и т.п. Рассмотрение одного из таких языков – кяхтинского пиджина – в контексте истории внешней торговли и развития окраинных регионов [5, с. 88-109] закономерно привело к необходимости подобным образом проанализировать и сопоставить другие пиджины или близкие к ним языки, синхронно эволюционировавшие на границах Российской империи. Наряду с кяхтинским (иногда определяемым шире как сибирский), это руссенорск, язык медновских алеутов и суржик. Следует отметить, что, по крайней мере, первым двум из перечисленных языков посвящены специализированные диссертационные исследования по филологическим наукам [4; 10]. В историческом же контексте русские пиджины до сих пор не рассматривались.

Что касается кяхтинского пиджина, то было показано, что его использование являлось необходимой частью адаптивных практик в зоне трансграничной торговли Российской империи с Китаем и Монголией. Его лексическая структура отразила статус взаимодействующих сторон: она ограничена охватом коммуникативных потребностей, связанных с обеспечением торговой и сопутствующей деятельности, и представляет собой заимствования в наиболее функциональной форме из китайского и русского языков. Поскольку монголы были посредниками в русско-китайской торговле, то определенную (меньшую) долю составляют монгольские лексические заимствования [8].

При этом использование пиджина сопровождалось активной бытовой адаптацией: восприятием манеры одеваться, принимать пищу, обустраивать жилище и т.д. Это делалось во многом в коммерческих целях – для более тесной интеграции в среду коммерческого партнера и, соответственно, более успешного ведения торговли. Но, поскольку купечество было опорным сословием сибирского общества, оно активно транслировало привычки и вкусы другим социальным группам. Кроме того, мода на восточные предметы быта распространялась посредством рекламы. Эти три аспекта – языковой, бытовой и рекламный – являлись основными проявлениями адаптивных практик, сопутствовавших российской внешней торговле на данном направлении. Помимо того, имеется точка зрения, учитывающая, что кяхтинский пиджин не только использовался в торговле, но и был средством коммуникации колонизаторов с коренным населением, и возводящая возникновение данного языка к более ранним процессам освоения сибирских земель [10].

Доминирующим товаром, составлявшим основной оборот в Кяхте, являлся чай. Однако параллельно активно развивавшееся одесское направление чайной торговли со временем также стало претендовать на значительную роль во внешнеэкономических контактах Российской империи. В. Г. Дацышен, представивший в своей статье общий обзор эволюции одесской чаеоторговли, отметил: «Постепенно чай из Ханькоу русские купцы стали отправлять в Россию морем, в основном на британских судах, и чаще всего через Лондон» [3, с. 48], но «в течение 1870-х гг., товаропотоки переориентировались на черноморские порты» [Там же].

Однако стоит принимать во внимание, что во второй половине XIX века Великобритания постепенно отступила с китайского чайного рынка, сосредоточившись на собственном колониальном производстве чая в Индии и на Цейлоне. Тем не менее одесское направление продолжало конкурировать с кяхтинским за счет более высоких темпов: после завершения строительства Суэцкого канала чай через Одессу попадал на Нижегородскую ярмарку существенно быстрее, чем сухопутным путем. К тому же чай, доставлявшийся морем, стоил дешевле.

Таким образом, к началу XX века, в связи с указанными обстоятельствами и очередным кризисом кяхтинской торговли, одесское направление выигрывало в этом соперничестве. Интенсивная популяризация индийского и цейлонского чая в России была не только приемом экономической конкуренции, но и, как следствие, отвлечением потребителя от товаров, приходивших с кяхтинского направления в целом, т.е. в определенном смысле контраргументом китайской моде в быту. Британские поставщики в своей рекламе настаивали: “The Empire grows enough tea to supply all the Empire’s needs & to suit every taste & purse” («Империя вырабатывает достаточно чая, чтобы полностью покрыть спрос и угодить на любой вкус и кошелек»: см. образец листовки из коллекции Манчестерской художественной галереи [13]). Российская реклама 1911 г. также свидетельствует: «Несколько лет тому назад едва ли многие знали о существовании индийского чая» (см. рекламную вклейку в издании «Русская мысль» [11]) – и одновременно сообщает, что объемы его вывоза из Индии сопоставимы с объемами вывоза китайского чая.

В этой интенсифицировавшейся зоне внешней торговли также развивался смешанный язык – суржик. Ряд исследователей допускают его рассмотрение в сравнении с пиджинами [6; 7]. Однако он не обслуживал одну только торговую коммуникативную сферу: кроме того, это язык контакта не с заморскими торговыми партнерами, а с коренным населением юго-западных имперских провинций. Вместе с тем отмечается, что суржик мог сформироваться в XVIII веке в чиновничье-армейской среде, а в конце XIX века «распространяется в речи украиноязычных сельских жителей, переселявшихся в города в поисках работы» [15, р. 245]. Это, с одной стороны, не позволяет связать его узко с внешней торговлей, но, с другой стороны, в какой-то степени уподобляет смешанным языкам, возникающим в процессе колонизации. Таким образом, его сравнение с пиджинами, возникшими в других внешнеэкономических контактных регионах по периметру Российской империи, оправданно, хотя и требует обособленного подхода. Тем не менее в данном случае также имела место аналогичная троичность адаптивных практик, выраженная в языковом, бытовом и рекламном аспектах.

Медновский язык возник в XIX веке в период деятельности Российско-американской компании (РАК) и расселения русских на Алеутских островах. Со временем на острове Медном появилась новая популяция, не уступающая в численности коренным алеутам и состоявшая из креолов – потомков смешанных русско-алеутских браков. Креолы обладали особым социальным статусом, закрепленным в документах РАК: он был выше, чем у алеутов, но ниже, чем у русских переселенцев. Самопозиционирование креолов как отдельной группы (и в этническом, и в социальном смысле), вероятно, было основной внутренней причиной для возникновения смешанного русско-алеутского языка [2].

Креолы понимали, что приближенность к русским и даже смена культурной идентичности – это шанс на дальнейшее повышение статуса. Ту же причину они усматривали и для принятия христианства. Имеются свидетельства, что обитатели колонизированных территорий желали иметь возможность получать вспомоществование от крестных родителей, которых предпочитали выбирать среди людей богатых и почтенных [9, с. 60]. Компания же рассматривала креолов как потенциальных трансляторов русской культуры и ценностей коренному населению. Для этого креолов даже посылали в метрополию учиться ведению русского домашнего хозяйства, чтобы они могли использовать полученные навыки по возвращении в колонию и показывать местным пользу восприятия нового образа жизни [16]. Таким образом, три аспекта – языковой, религиозный и бытовой – служили одновременно ассимиляции населения российских колоний в Северной Америке и государственному контролю над ним. Религиозный аспект в данном случае выполнял ту же функцию, что и рекламный в ранее рассмотренных ситуациях, т.е. функцию пропаганды определенного уклада.

Руссенорск некоторыми исследователями рассматривается не просто как модификация норвежского или русского языков, а как автономная структура, основанная на их языковых единицах [4]. При этом отмечается его специфика и несводимость только лишь к «исковерканным» формам языков-источников [1]. Вместе с тем существуют противоположные мнения, согласно которым руссенорск является искаженным вариантом норвежского языка, поскольку в нем нет русских грамматических элементов. Кроме того, в соответствии с этой точкой зрения, норвежец в диалоге остается верен своему языку, лишь заимствуя определенный объем русской лексики, а русский, наоборот, упрощает формы своего языка, адаптируя их для собеседника [14]. Таким образом, не только подчеркивается неравный статус коммуницирующих сторон, но и фактически руссенорск интерпретируется как несамостоятельная языковая структура.

Однако если исходить именно из объемов лексических заимствований и рассматривать их как индикатор статуса собеседников по отношению друг к другу, то в руссенорске присутствует как русская, так и норвежская лексика в сопоставимых объемах, в то время как, например, в кяхтинском пиджине русские лексические

заимствования, по мнению исследователей, почти абсолютно доминируют [8]. Отмечается также, что в руссенорске присутствует пласт заимствований из языков тех наций, представители которых участвовали либо посредничали в русско-норвежской торговле. «Появление же заимствований из “сухопутных” (по крайней мере в контексте контактов на Баренцевом море) языков – пусть и косвенный, но веский аргумент в пользу существования в этом районе отличных от руссенорска его “сухопутных” предшественников, известных норвежцам и / или русским», – такая точка зрения [1] аналогична той, которая в отношении кяхтинского пиджина расширяет его интерпретацию до в целом «сибирского» [10].

Сфера применения руссенорска охватывала в первую очередь внешнюю торговлю (поморскую, активно развивавшуюся с XVIII века и достигшую пика во второй половине XIX века). Кроме того, «близкий к руссенорску пиджин использовался в начале XX века в Архангельске при общении с иностранцами моряков, торговцев и проституток портовых кварталов» [1, с. 98], таким образом распространяясь в смежные социальные группы. Следовательно, и в данном случае можно говорить как минимум о двух выше выделенных аспектах адаптивных практик: языковом и бытовом. В то же время аналог того аспекта, который на других внешнеторговых направлениях проявился как рекламный или религиозный, в связи с руссенорском исследователями не отмечается. Вместе с тем это может свидетельствовать как об особенностях развития руссенорска в данном контексте, так и о недостаточной изученности вопроса.

Кяхтинский пиджин и руссенорск вышли из употребления вместе с прекращением активности в соответствующих внешнеторговых зонах и с исчезновением самой империи. Однако зафиксированы и сохранены образцы коммуникации в торговой среде на этих языках. Например, фрагмент опубликованного диалога на кяхтинском пиджине середины XIX века, озаглавленный как «Разговор китайца с женою русского купца N.N.»:

«К. Илисандера, за тиби кака подумай, за моя пришел еса? (Александра, как полагаешь, зачем я пришел?)
N. Погули еса, господине Далай. (В гости, господин Далай.)

К. Погули мало; за моя подумей, како ваша закона хорашанеки: женушки месяца поживу еса. (Этого мало; я пришел изъяснить мое уважение вашему закону, позволяющему жить здесь вместе с женами.)

N. Почето за ваша женушки сюда походи ниту? (Отчего ваши жены сюда не приезжают?)

К. Закона ниту; за ево помешай поторговой буду. (Закон запрещает, потому что они будут мешать торговле.)» [12, стб. 374-375].

В скобках в издании дается русский перевод, который здесь приведен в современной орфографии, а в записи пиджина только заменены современными аналогами упраздненные буквы дореформенного алфавита для удобства восприятия. Для сравнения можно привести также фрагмент торгового диалога на руссенорске между норвежцем и русским (цитируется по современной публикации, автор которой ссылается на запись второй половины XIX века и опыт ее последующего анализа другими учеными):

“Nor: Kjør I seika, treska, tiksa o balduska?

Rus: Da, da – moja kopom altsamma, davai po skip kom.

Nor: Spasiba! har I mokka, har I groppa?

Rus: Da, da! Davai po skip kom, brat, po tjei driki” [Цит. по: 14, S. 125].

В приведенной цитате опущена техническая маркировка лексических заимствований из русского и норвежского (они очевидны без специальных обозначений), а также авторские комментарии и английский перевод фраз – оставлен лишь текст диалога на руссенорске. Перевод на русский язык:

Норвежец: Ты покупаешь сайду, треску, пикшу, палтус?

Русский: Да, да, я покупаю все это, поднимайся на борт.

Норвежец: Спасибо! Есть у тебя мука? Есть зерно?

Русский: Да, да! Поднимайся на борт, брат, выпьем чаю.

(Здесь следует также отметить, что приглашение на чай в русской купеческой традиции фактически является приглашением к обсуждению торговой сделки [5, с. 116].)

Если кяхтинский пиджин и руссенорск анализируются исследователями по сохранившимся записям, то язык медновских алеутов изучался непосредственно и фиксировался еще в начале 2000-х гг., а суржик остается в употреблении и сейчас. Это еще одно проявление их специфики, которое указывает на различие в функционировании смешанных языков, обслуживавших в большей степени торговую сферу, чем административную, т.е. ориентированных хоть и на достаточно интенсивную, но все же ситуативную интеграцию в иную среду (кахтинский пиджин и руссенорск), и, наоборот, языков, ориентированных более на длительную адаптацию и административные задачи (алеутско-медновский язык и суржик).

Таким образом, эти четыре смешанных языка, хотя и с разной степенью дискусионности, могут рассматриваться в общем контексте эволюции торговых пиджинов на окраинах Российской империи, поскольку имеют сходные функции (обслуживание торговой и колониально-административной сферы) и являются симметричными элементами адаптивных практик в соответствующих регионах. Общее и особенное этих языков представлено ниже в сравнительной таблице (Таблица 1).

При относительной синхронности их возникновения наблюдается значительная асинхронность их выхода из употребления, вероятно, связанная с функциональным назначением, что требует более углубленного рассмотрения, тем более с учетом высказываемых предположений о том, что могут быть выделены и другие пиджины на русской основе. Среди них – как вышедшие из употребления (например, русско-тюркский, функционировавший на Северном Кавказе), так и зафиксированные недавно (например, таймырская «говорка») [1]. Это может как подкрепить, так и скорректировать предложенную концепцию. Тем не менее в целом принятое

сопоставление создает комплексную схему, позволяющую думать, что возникновение смешанных языков в зонах интенсивной внешней торговли можно интерпретировать как закономерную часть механизмов имперской эволюции.

Таблица 1. Сравнительные характеристики бытования торговых пиджинов в Российской империи

Язык	Сферы употребления	Аспекты адаптивных практик в данной контактной зоне	Выход из обращения
Кяхтинский	Торговая, колониально-административная, бытовая	Языковой, бытовой, рекламный	Вместе с распадом империи
Руссенорск	Торговая, бытовая	Языковой, бытовой	Вместе с распадом империи
Алеутско-медновский	Торговая, колониально-административная, бытовая	Языковой, бытовой, религиозный	Существенно позже распада империи
Суржик	Торговая (в меньшей степени), колониально-административная, бытовая	Языковой, бытовой, рекламный	Остается в употреблении

Список источников

1. **Беликов В. И.** Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект: сборник статей / сост. А. И. Кузнецова, О. В. Раевская, С. С. Скорвид. М.: МГУ, 1997. С. 90-108.
2. **Головко Е. В.** Медновских алеутов язык // Языки мира. Палеоазиатские языки / отв. ред. А. П. Володин. М.: Индрик, 1997. С. 117-125.
3. **Дацьшен В. Г.** Одеське напрямлення китайської чайної торгівлі (XIX – поч. XX в.) // Китаєзнавчі дослідження: збірка наукових праць: в 2-х т. К.: Інститут сходознавства НАН України, 2012. Т. 2. С. 45-55.
4. **Клонова О. Ю.** Упрощенные языковые системы и формирование пиджина (на материале русско-норвежских языковых контактов): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2007. 27 с.
5. **Кожухарь А. И.** Влияние российской чайной торговли с Китаем и Монголией на повседневность населения Восточной Сибири во второй половине XIX века: дисс. ... к.и.н. Иркутск, 2015. 212 с.
6. **Кознарський Т.** Нотатки на берегах макабресок // Критика. 1998. № 5. С. 24-29.
7. **Масенко Л.** Суржик як соціолінгвістичний феномен // Дивослово: українська мова й література в навчальних закладах. 2002. № 3. С. 11-13.
8. **Мусорин А. Ю.** Лексика кяхтинского пиджина // Функциональный анализ языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. И. В. Архипова. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет. 2004. С. 79-86.
9. **Обзор русских колоний в Северной Америке капитан-лейтенанта Головина.** СПб.: Типография Морского министерства, 1862. 178 с.
10. **Перехвальская Е. В.** Сибирский пиджин (дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2006. 50 с.
11. **Русская мысль:** в 7-ми кн. М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1911. Кн. X. 406 с.
12. **Черепанов С. И.** Кяхтинское китайское наречие русского языка // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1853. Т. II. Вып. X. Стб. 370-377.
13. **Collection of Manchester Art Gallery** [Электронный ресурс]. URL: <http://manchesterartgallery.org/collections/search/collection/?id=1935.609> (дата обращения: 30.06.2018).
14. **Kortlandt F.** On Russenorsk // *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*. 2000. Bd. 54. S. 123-127.
15. **Nazarenko L.** Украинский суржик – социолект, просторечие, пиджин? К вопросу о языковой ситуации на Украине // *Slavica Litteraria*. 2012. Vol. 15. Iss. 2. P. 243-250.
16. **Smith-Peter S.** Creating a Creole Estate in Early Nineteenth-Century Russian America // *Cahiers du monde russe*. 2010. Vol. 51. № 2-3. P. 441-459.

**TRADE PIDGINS IN SUBURBAN AREAS OF THE RUSSIAN EMPIRE:
AN ATTEMPT OF COMPARISON IN HISTORICAL CONTEXT**

Andrei Kozhukhar, Ph. D. in History
Irkutsk Regional House of Folk Art
andreikozhukhar@gmail.com

During the XVIII-XIX centuries, in the suburban regions of the Russian Empire, against the background of the colonization processes of the annexed territories and intense cross-border trade interaction, several pidgin languages arose. In the article, the author analyzes their general and specific features, identifies the regularities of their parallel development in similar historical and cultural circumstances, and considers the integration of these languages into the adaptive practices that existed in the key areas of foreign trade. The conclusion about a possible interpretation of this phenomenon as a characteristic element of imperial evolution is drawn.

Key words and phrases: The Russian Empire; trade pidgin; Kяхtian language; Medny Aleut language; Russenorsk; Surzhyk.